

Кавказ и державы Четверного союза в 1918 г.

Георгий Мамулия

1918 г. сыграл важнейшую роль в истории народов Кавказа. Вырвавшись из провинциальной фазы своей истории в составе Российской империи, Кавказ в 1918 г., так же как и в сегодняшние дни оказался вовлеченным в бурные международные отношения, давших шанс народам региона приступить к строительству независимых государств.

Тем не менее, несмотря на наличие достаточно богатой исторической литературы, посвященной прежде всего отдельным возникшим в 1918 г. государствам Кавказа¹, историография этого вопроса страдает одним существенным недостатком. В частности, изучением проблемы возникновения кавказских государств в узко-национальном контексте, игнорируя тот факт, что Кавказ в то время рассматривался присутствующими в регионе великими державами скорее единым, а не расколотым на национальные составляющие регионом.

Исходя из этого ситуацию, сложившуюся в том или ином государственном образовании Кавказа этого периода, невозможно понять в отрыве от положения дел в других частях региона. Особенно явно упомянутая тенденция прослеживается в исследованиях, изданных в государствах Кавказа в течение последних двадцати лет².

Гораздо лучше обстоят дела в западной историографии, где уже в 50-70-х гг. прошлого века были изданы капитальные исследования, охватывающие если не целый Кавказ, то, по крайней мере, ее южную часть, или Закавказье³. Исключение в этом отношении составляет лишь исследование

¹ Г. И. Уратадзе, *Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики*, Мюнхен, 1956; R. G. Suny, *The Making of the Georgian Nation*, Bloomington and Indianapolis, 1994; R. G. Hovhannesian, *Armenia on the Road to Independence 1918*, Berkeley and Los Angeles, 1967; T. Świętochowski, *Russian Azerbaijan 1905-1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community*, Cambridge, London, New York, 1985.

² См. напр.: Р. Мустафа-заде, *Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг.*, Москва, 2006; Д. Гасанлы, *Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости. 1917-1920*, Москва, 2011.

³ F. Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*, New York, 1951; W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, Düsseldorf, 1978.

В. Биля, а также классический труд В. Аллена и П. Муратова, охватывающий, хотя и в основном с точки зрения военной истории, события и на Южном и Северном Кавказе⁴.

В настоящей статье ставятся цели: проследить генезис и последующее развитие интеграционных проектов, осуществляющихся в это время местной политической элитой как на Северном, так и на Южном Кавказе; проанализировать роль германского и турецкого факторов в возникновении на Кавказе независимых государств; показать, в какой мере существующие на Кавказе германо-турецко-большевистские противоречия использовались местной политической элитой для достижения своих целей; показать значение нефтяного фактора в становлении независимости государств Северного и Южного Кавказа.

Первые попытки политической консолидации народов Кавказа

В 1917 г. национально-освободительное движение народов Кавказа вступает в качественно новую стадию. После февральской революции и последовавшим за ней свержением монархии в России имперские тиски, безжалостно удерживающие в составе империи насильственно инкорпорированные в нее нерусские народы, значительно ослабли, а пришедшее к власти в Петрограде правительство А. Керенского в целом склонялось к федеративному устройству российского государства. Упомянутые события оказали непосредственное влияние на развитие политической ситуации как на Северном, так и Южном Кавказе.

В мае 1917 г. во Владикавказе состоялся первый съезд Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, включавшего в себя представителей всех горских народов Северного Кавказа. Понимая, что в сложившейся ситуации требование полной независимости Северного Кавказа было невозможно, съезд выразил свою поддержку деятельности Временного правительства, подчеркнув при этом необходимость сохранения завоеваний февральской революции на основе дальнейшей федерализации и демократизации российского государства⁵.

В октябре того же года с целью предотвращения столкновений, а также сглаживания все более и более сказывающихся противоречий между

⁴ W. E. D. Allen, P. Muratoff, *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*, Cambridge, 1953; S. Afanasyan, *L'Arménie, l'Azerbaïdjan et la Géorgie de l'indépendance à l'instauration du pouvoir soviétique 1917-1923*, Paris, 1981; W. Bihl, *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917-1918)*, Wien, Köln, Weimar, Teil II, 1992.

⁵ *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы*, Махачкала, 1994, с. 28-29.

горским и казацким населением Северного Кавказа было принято решение о вхождении Союза объединенных горцев в Юго-Восточный Союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Упомянутая региональная организация объединяла в своем составе казацкие войска Дона, Кубани, Терека и Астрахани, горцев Кавказа, а также представителей «вольных народов степей» – ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии и Терского края. Целью Юго-Восточного Союза было «достижение скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики, с признанием членом Союза отдельными ее штатами»⁶.

Таким образом, в период между февральской революцией и октябрьским большевистским переворотом 1917 г. политические лидеры горцев, исходя из пределов возможного, в основном сосредоточились на достижении политической консолидации народов Северного Кавказа как основы дальнейшей борьбы за независимость.

Аналогичная ситуация сложилась и на Южном Кавказе, где еще в марте 1917 г. был создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), наделенный Временным правительством функциями гражданской администрации этого края. Как и в случае с Северным Кавказом, основной целью ОЗАКОМ-а являлось поддержание согласия между кавказцами и пришлым русским населением Закавказья. Председателем ОЗАКОМ-а был назначен русский кадет В. Харламов, в то время как А. Чхенкели, – один из руководителей грузинских социал-демократов – был включен в состав комитета в качестве представителя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на Кавказском фронте, наряду с этим представлявший в упомянутой структуре революционные организации Закавказья⁷.

Весной 1917 г. руководители национал-демократической партии Грузии, понимавшие важность объединения народов Кавказа как единственно возможного фундамента их независимости, приняли меры для установления самых тесных отношений с лидерами Союза объединенных горцев. В мае этого года грузинская делегация, представленная такими вождями национал-демократов, как Шалва Амирэджиби, Шалва Карумидзе, Давид Вачнадзе и Дмитрий Чиabriшвили, приняла участие в первом съезде Союза объединенных горцев, подробнейшим образом обсудив с местными руководителями вопрос необходимости согласованных действий народов Северного и Южного Кавказа. На страницах газеты «Сакартвело» («Грузия») – центрального органа национал-демократической партии, Ами-

⁶ Там же, с. 74.

⁷ Г. И. Уратадзе, *Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики*, с. 20-21.

рэджиби опубликовал восторженную статью, посвященную росту чувства региональной солидарности среди горцев Кавказа⁸.

Октябрьский большевистский переворот в Петрограде перерезал последнюю нить, связывающую Кавказ с Россией, открыв местным народам тернистый путь к независимости.

15 октября, день спустя после выборов в Закавказский сейм, законодательный орган, состоящий из местных депутатов в российскую Государственную думу, ОЗАКОМ сложил свои функции, передав власть Закавказскому комиссариату под председательством грузинского социал-демократа Евгения Гегечкори. С формальной точки зрения Закавказский комиссариат должен был управлять Южным Кавказом до восстановления законной власти в Петрограде⁹.

Турецкий фактор

Стремительно развивающиеся события на Кавказском фронте оказали, однако, свое влияние на ситуацию на Кавказе. Уже в первые месяцы 1918 г. под влиянием большевистской пропаганды дислоцированные на русско-турецком фронте российские войска стали стремительно разлагаться. Целые части и соединения начали самовольно покидать свои боевые позиции, стремясь как можно быстрее возвратиться домой. Создавшимся положением не преминуло воспользоваться турецкое командование, приказавшее своим войскам занимать оставленные русскими войсками территории. Параллельно с этим активизировалась и турецкая дипломатия, стремящаяся в нарушение соглашения, заключенного Стамбулом с представителями Комитета освобождения Грузии в 1915 г., использовать это обстоятельство для осуществления в отношении Южного Кавказа политики аннексий. Незадолго до заключения Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г., турки добились от своих германских союзников согласия на аннексию Оттоманской империей областей Карса, Ардагана и Батуми. Исторических кавказских земель, захваченных Российской империей у Турции в результате войны 1877-1878 гг.¹⁰ Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что первоначально немцы не хотели позволить туркам захватить сам Батуми, отлично понимая важность этого города для экономической жизни Закавказья. В Берлине думали передать туркам лишь южную часть Батумской области, без самого города¹¹.

⁸ Шалва Амирэджиби (1886-1943), Тбилиси, 1997, кн. I, с. 271-274 (на груз. яз.).

⁹ Г. И. Уратадзе, *Образование и консолидация Грузинской Демократической Республики*, с. 24.

¹⁰ F. Fischer, *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*, Düsseldorf, 1961, S. 483-484.

¹¹ W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1978, Bd. 26, S. 43, 56, 60-61.

Следует отметить, что определенную вину за подобный исход событий несли и руководители Закавказья, продолжающие в упомянутых условиях придерживаться ориентации на мифическую «русскую демократию», несмотря на тот факт, что в Москве в то время находилось уже большевистское правительство. Не воспользовались грузинские социал-демократы и возможностью, объявив независимость Закавказья, попытаться блокировать турецкие территориальные вожделения с помощью немецкой стороны, подключив к делу руководителей Комитета освобождения Грузии, которым к тому времени удалось завоевать немалые симпатии в Берлине, ознакомив правящие круги Германии с проблемой Грузии и Кавказа¹².

По мере продвижения турецких войск на Кавказ изменилась политика Османской империи и в отношении горцев. Раньше турки соглашались способствовать деятельности горских активистов, тайно проникающих с турецкой территории на Северный Кавказ с целью ведения там пропаганды в пользу независимости этого края. Однако с начала 1918 г. младотурки стали помышлять об установлении над регионом прямого контроля. Так, ингуш Джемал Албогачиев и дагестанец Атабек Учмиев, поддерживающие связь с немцами еще с начала войны и намеревающиеся в это время пробраться на Кавказ с турецкой территории для ведения там пропаганды в пользу горской независимости, были задержаны в Стамбуле. Турки заявили Албогачиеву, что он получит право поездки на Кавказ лишь в том случае, если будет вести пропаганду в пользу установления на Северном Кавказе турецкого протектората¹³.

В подобном неблагоприятном историческом контексте инициатива руководителей Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана относительно создания единого кавказского государства вряд ли могла быть удачной.

Тем не менее, сразу же после большевистского переворота руководство Союза горцев приняло срочные меры для установления связей с политическими деятелями Закавказья. В декабре 1917 г. один из наиболее активных членов правительства Союза горцев Гайдар Баммат (Бамматов) получил поручение «войти в контакт с грузинскими и армянскими национальными советами и, если понадобится, заключать соглашения от имени горского правительства»¹⁴.

28 февраля 1918 г. правительство Союза горцев делегировало на Южный Кавказ особую делегацию в составе Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева, Гай-

¹² *Ibidem*, S. 44.

¹³ *Ibidem*, S. 34.

¹⁴ Телеграмма горского правительства Грузинскому национальному совету относительно уполномочивания Г. Баммата войти в контакт с Грузинским и Армянским национальными советами. *Горская жизнь*. Владикавказ, 17. 12. 1917.

дара Баммата, Зубаира Темирханова и Кади Дебирова. В задачи делегации входило «принять решительные меры к политическому воссоединению территории и народов Северного Кавказа и Дагестана с Закавказьем», а также «вступить в сношения с Оттоманской империей и союзными ей державами для выяснения возможности активной поддержки названными государствами независимого кавказского государства, находящегося в экономических и военных связях с Турцией и державами Центральной Европы»¹⁵.

В это время, однако, все внимание закавказских руководителей было приковано к переговорам с Турцией, начавшимися в середине марта в Трапезунде. Неправильно оценив создавшиеся реалии, закавказское правительство отказалось провозгласить независимость Южного Кавказа, наивно полагая, что таким образом ему удастся лучше обосновать свою юридическую позицию непризнания касающихся Закавказья условий Брест-Литовского договора. Прибывшие в Трапезунд для ведения переговоров как с закавказской, так и с оттоманской делегацией представители Северного Кавказа, проезд которых фатальным образом совпал с отзывом закавказской делегации в Тифлис и разрывом переговоров, с самого начала оказались в сложном положении. Желая воспользоваться военной и политической помощью Стамбула, представители горцев, стремившиеся одновременно к объединению территорий Северного и Южного Кавказа и созданию на этой основе единого кавказского государства, не могли не осознавать негативных последствий, которыми были чреваты для их планов экспансионистские устремления младотурок. Все это нашло свое отражение в тексте заявления, переданного 14 апреля Г. Бамматом, председателем горской делегации, Рауф-бею Орбаю и А. Чхенкели – главам оттоманской и закавказской делегаций на Трапезундской мирной конференции. Подчеркивая, что «Закавказье не может существовать как самостоятельный государственный организм без воссоединения с территорией горцев Дагестана и Северного Кавказа», а также тот факт, что «создание единого Кавказа властно диктуется соображениями экономическими и политическими», представители Союза горцев выступали за скорейшее заключение мира между Оттоманской империей и Закавказьем. «Мы твердо знаем, что прочный мир и возможность культурного строительства на Кавказе будут созданы лишь тогда,

¹⁵ Резолюция временного правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана о принятии срочных мер к политическому воссоединению территории и народов Северного Кавказа и Дагестана с Закавказьем, а также к вступлению в сношения с Оттоманской империей и союзными ей державами, для выяснения возможности активной поддержки названными государствами независимости кавказского государства. Владикавказ, 28. 2. 1918. Archives familiales de M. Bammate (Paris, France).

когда мы сумеем войти в добрососедские и дружественные отношения с соседними странами и над скорейшим созданием необходимой для того обстановки мы будем работать и впредь, как работали до сегодняшнего дня, как в Тифлисе, так и здесь в Трапезунде и если понадобится и в Константинополе», – говорилось в конце документа¹⁶. По свидетельству Баммата, отправившаяся после разрыва трапезундских переговоров в Стамбул горская делегация пыталась склонить руководство младотурок занять более конструктивную позицию в отношении Закавказья¹⁷.

Попытки эти, однако, оказались безуспешными и, воспользовавшись фактом разрыва переговоров, турки возобновили боевые действия, захватив в середине апреля требуемые ими области. 15 апреля турецкие войска вступили в Батуми. В подобных условиях руководство Закавказья было вынуждено просить мира, приняв предложение Стамбула о возобновлении мирных переговоров в захваченном турками городе¹⁸.

Так как предварительным условием возобновления переговоров турки ставили провозглашение формальной независимости Закавказья, 22 апреля была официально объявлена независимость Закавказской федеративной демократической республики¹⁹.

Батумская мирная конференция и проекты единого Кавказа

Ситуация, создавшаяся на Батумской мирной конференции, позволила как северным, так и южным кавказцам приступить к более активному обсуждению интересующих их вопросов. Способствовало этому и то обстоятельство, что в отличие от переговоров в Трапезунде, ведущихся на двустороннем уровне между представителями Оттоманской империи и Закавказья, в Батумской конференции принимала участие и германская сторона в лице немецкого главнокомандующего в Стамбуле баварского генерал-майора Отто фон Лоссова. Выражая мнение военных кругов Берлина, которые, в отличие от крайне осторожных немецких дипломатов, были сторонниками более решительной политики как в отношении боль-

¹⁶ Заявление Г. Баммата на Трапезундской мирной конференции от имени горской делегации по поводу необходимости воссоединения Закавказья с Союзом горцев Северного Кавказа и Дагестана. Трапезунд, 14. 4. 1918. Центральный государственный архив Северной Осетии (далее – ЦГА СО). Ф. 5 с/р-9. Д. 11. Л. 50.

¹⁷ Le Caucase et particulièrement le Caucase du Nord depuis la fin de l'ancien régime en Russie. Paris, mai 1919. Archives du ministère des Affaires étrangères (далее – АМАЕ), (Paris, France). Correspondance politique et commerciale (далее – СРС) 1918-1940. Série E (Levant). Caucase-Kurdistan, dossier n°4, Fol. 188-225.

¹⁸ F. Fischer, *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*, S. 484.

¹⁹ *Ibidem*.

шевиков, так и в отношении Турции, фон Лоссов являлся противником экспансионистских планов младотурок на Кавказе, считая главной задачей турецкой армии операции против англичан в Северном Иране²⁰.

При этом военно-дипломатическая активность Германии, по мнению генерала, должна была распространяться как на Южный, так и на Северный Кавказ. Подобная позиция фон Лоссова служила надежной базой как сближения возглавляемой А. Чхенкели закавказской делегации с северокавказской делегацией Г. Баммата, так и вовлечения последней в работу Батумской конференции, ведшейся с формальной точки зрения между правительствами Османской империи и Закавказья. Сам Баммат был настолько уверен в неизбежности объединения Южного и Северного Кавказа, что необходимость допуска северокавказской делегации к участию в конференции мотивировал тем, что Северный Кавказ по целому ряду объективных причин уже находится в процессе создания единого государства с Закавказьем. Уже в самом начале конференции, 8 мая 1918 г., руководитель северокавказской делегации подчеркивал, что Северный Кавказ имеет с Закавказьем «одинаковые экономические и политические интересы», находясь с последним «на стадии образования единого государства», конституция которого будет определена в ближайшем будущем²¹.

Об этом же Г. Баммат и З. Темирханов сообщали и фон Лоссову, обратившись к нему в тот же день с просьбой о допуске представителей горцев к участию в работе Батумской конференции. «Имея намерение принять участие в переговорах в Батуми, представители горцев обращаются к Вам с просьбой, Ваше превосходительство, информировать имперское правительство Германии и королевское правительство Австро-Венгрии относительно их политических устремлений, уведомив их, до какой степени они могут надеяться на получение помощи Германии с целью осуществления политических идеалов коренных народов Северного Кавказа и Дагестана. Идеала, состоящего в формировании общего государства на всем Кавказе, создание которого в будущем произойдет на основе двух частей Кавказа»²².

²⁰ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, Wien und München, 1966, S. 178; W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, S. 65, 67, 70.

²¹ Письмо председателя делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно допуска представителей Северного Кавказа к участию в работе Батумской конференции. Батуми, 8.5.1918. Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé (Aix-en-Provence, France).

²² H. Bammatoff, Z. Temirkhanoff (membres du gouvernement de l'Union des peuples du Caucase du Nord et du Daghestan), A Son Excellence le Président de la délégation allemande le général von Lossov, au gouvernement impérial Austro-Hongroise, Batoum, 8. V. 1918. Archives familiales de M. Bammate.

Позиция представителей Закавказья отчетливо зафиксирована в протоколах двух совещаний членов закавказской делегации, состоявшихся 9 и 11 мая 1918 г. В ходе упомянутых совещаний Николай (Нико) Николадзе, виднейший общественно-политический деятель Грузии, подчеркивал, что независимость кавказского государства возможна лишь в случае наличия внешних гарантий. Под последними, несомненно, имелся в виду протекторат Германии, дающий возможность защитить Кавказ от империалистических вождельств как большевиков, так и младотурок. Что касается участия в конференции представителей Северного Кавказа, то за ними, по мнению Николадзе, можно было признать лишь полномочия представителей Ингушетии, Чечни и Дагестана (областей Терек и Дагестана), где всегда присутствовали ярко выраженные тенденции к независимости. Будучи хорошо осведомленным относительно национального состава Северного Кавказа, Николадзе, судя по всему, сомневался в возможности отделения от России его западных частей, или, как их тогда называли Кубанской и Черноморской губерний. После массовых депортаций и геноцида горцев, осуществленного властями империи в XIX веке, черкесы, оставшиеся в упомянутых губерниях, составляли меньшинство по сравнению с пришлым славяно-казацким населением²³.

Разумеется, обсуждение этих вопросов проходило на фоне искренних симпатий по отношению к представителям горских народов. Не случайно грузинский дипломат Зураб Авалишвили, принимающий участие в работе комиссии, проверяющей полномочия северокавказских делегатов, позднее писал, что «возможному вступлению Горской республики в общекавказскую федерацию все очень сочувствовали, и участие Г.-б. Баммата в конференции возражений, конечно, не вызывало»²⁴.

²³ Журналы заседаний делегации Закавказской республики на Батумской мирной конференции от 9 и 11 мая 1918 г. Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé.

По словам немецкого историка В. Цюрера, «черкесы, после их изгнания со своей первоначальной родины, составляли определенную силу лишь в эмиграции. Они придерживались противоречивых взглядов относительно своей будущей роли». (W Zürger, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 37). Там же Цюрер приводит выдержку из сообщения германского посла в Турции графа Й. Г. фон Бернсторфа, посланного 11 мая 1918 г. для осведомления генералу фон Лоссову в Батуми. Согласно этому документу, «часть преимущественно простого народа, недовольного положением выросшего в числе, со времени их прибытия в Турцию черкесов, хотела бы воспользоваться первым же случаем, чтобы вернуться на их почти полностью опустевшую родину, с целью жить там в качестве самостоятельного народа. Другая часть, получившая в Турции должности и привилегии, поддерживает аннексионистские устремления турок на Северном Кавказе, надеясь играть у себя на родине такую же роль, как беки у татар и дагестанцев». (Ibidem).

²⁴ Э. Авалов, *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, Париж, 1924, с. 40-41.

11 мая Чхенкели торжественно сообщил Баммату, что руководимая им делегация согласна на участие горцев в работе конференции²⁵.

Вопрос участия горцев в Батумской конференции непосредственно привел их руководителей к провозглашению 11 мая, на две недели раньше государств Южного Кавказа, своей государственной независимости. Непосредственной причиной этого послужила позиция фон Лоссова, высказанная им в письме от 10 мая председателю закавказской делегации Чхенкели. В нем германский представитель сообщал, что он в принципе не имеет ничего против участия горцев в работе Батумской конференции. Тем не менее, он даст свое окончательное согласие лишь в том случае, если «можно будет признать этих делегатов представителями государства, или союза государств, должным образом сконструированных, декларировавших свою независимость и испросивших признания их свобод и независимости со стороны четырех союзных держав. В этом случае означенные делегаты смогут принять участие в переговорах с правом голоса и с теми же правами, как и делегаты остальных правительств, представленных на конференции»²⁶.

В связи с объявлением политической независимости Союза горцев встал вопрос и об общих границах этого государства с Закавказьем. В декларации от 11 мая, подписанной председателем правительства Союза горцев А. М. Чермоевым и министром иностранных дел Г. Бамматом сообщалось, что «территория нового государства будет иметь границами на севере прежние географические границы, губерний и областей Дагестанской, Терской, Ставропольской, Кубанской и Черноморской бывшей русской империи, на западе – Черное море, на востоке – Каспийское, на юге – границу, подробности коей имеют быть установлены соглашением с закавказским правительством»²⁷.

Таким образом претендуя на историческую горскую территорию Северного Кавказа, простирающуюся вдоль Большого Кавказского хребта от Черного до Каспийского моря, руководство горцев, предвидя создание

²⁵ Письмо председателя делегации Закавказской республики на Батумской мирной конференции А. Чхенкели председателю делегации Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно согласия закавказской делегации на участие представителей Северного Кавказа в работе упомянутой конференции. Батуми, 11. 5. 1918. Archives familiales de N. Vadoual-Keresselidzé.

²⁶ Письмо председателя германской делегации на Батумской мирной конференции генерала О. фон Лоссова председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно участия представителей Северного Кавказа и Дагестана в упомянутой конференции. Батуми, 10. 5. 1918. *Ibidem*.

²⁷ Декларация об объявлении независимости Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Батуми, 11. 5. 1918. *Ibidem*.

в будущем единого кавказского государства, подчеркивало, что южные границы горского Союза с Закавказьем должны быть установлены на основе особого компромиссного соглашения.

Правительство Союза горцев не могло не считаться и с тем обстоятельством, что потомки изгнанных с Западного Северного Кавказа черкесов, занимая высокие посты в турецкой армии и администрации, являлись основными лоббистами северокавказцев в правительственных кругах Турции. Сочетая кавказской патриотизм с преданностью Оттоманской империи, значительная часть оттоманских черкесов надеялась, в случае победы стран Четверного союза над Россией, вернуться в страну своих предков. Со своей стороны правительство Турции также поддерживало эти устремления, пользуясь потомками мухаджиров в качестве дипломатических и военных экспертов, хорошо знакомых со спецификой местных кавказских условий, и пытаясь с их помощью распространить свое влияние на Северный Кавказ, регион, который наряду с Азербайджаном руководство младотурок относило к сфере своего влияния²⁸.

Тем не менее, аннексионистская политика Стамбула подрывала в самой основе возможность создания жизнеспособного и основанного на учете взаимных интересов кавказского государства. Наиболее ярким образом это проявилось на Батумской мирной конференции, где турки, отказавшись от германского посредничества, 26 мая в ультимативной форме предъявили грузинам и армянам территориальные притязания, далеко выходящие за пределы условий Брест-Литовского договора. Наряду с уже занятыми оттоманскими войсками Карсом, Ардаганом и Батуми, турки потребовали передачи им также грузинских Ахалцихе и Ахалкалаки, а также армянского Александрополя, с установкой оттоманского контроля над железнодорожной веткой Александрополь-Джюльфа²⁹.

«В этих условиях Турция обеспечивала себе, в сущности, не только политический контроль всего Закавказья, но еще и тесное территориальное примыкание к Азербайджану и к Персии (т.е. персидскому Азербайджану) – иными словами, к странам с населением тюркской же породы и тюркской речи»³⁰.

²⁸ Р. Габашвили, один из лидеров грузинских национал-демократов, в своих мемуарах с юмором вспоминал, что Чхенкели и Рауф-бей, руководитель оттоманской делегации на Трапезундской мирной конференции, были родом из Абхазии, «и, как говорят, из соседних деревень» (Р. Габашвили, *Мои воспоминания*, Мюнхен, 1959, с. 167 (на груз. яз)).

²⁹ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 179; *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*, Тифлис, 1919, с. 309-310; З. Авалов, *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, с. 42, 94.

³⁰ З. Авалов, *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, с. 42.

В результате турецкой экспансии, а также вследствие растущих армяно-азербайджанских противоречий произошло событие, имеющее в дальнейшем роковое значение для судеб народов Южного и Северного Кавказа – раскол Закавказья.

Раскол Закавказья и рождение независимых кавказских государств. Германский щит Грузии

26 мая, в день предъявления турецкого ультиматума, Грузия, пытаясь спастись от нашествия турецких войск с помощью германского посредничества, объявила о своей государственной независимости. 28 мая этому примеру последовали Армения и Азербайджан³¹.

В тот же день, с целью положить предел военной экспансии младотурок, фон Лоссов и Чхенкели, только что занявший пост министра иностранных дел Грузии, подписали «Временный договор относительно временного урегулирования отношений между Германией и Грузией». В соглашении указывалось, что Грузия рассматривает Брест-Литовский мирный договор, заключенный между странами Четверного союза и Россией, «как основу своих взаимоотношений с Германской империей». В течение всей войны Грузия предоставляла Берлину право на исключительное пользование своими железными дорогами с целью переброски войск и военных грузов Германии и союзных ей государств. Для защиты стратегически важного порта Поти и на всем протяжении грузинской транзитной железной дороги выставлялись германские вооруженные патрули³².

Как четко подметил З. Авалишвили, «главная сила этого (основного) соглашения лежит, конечно, а) в фактическом признании грузинского правительства германским и б) в установлении, на время, германского контроля над железными дорогами Грузии»³³.

Фон Лоссов опасался, что дальнейшее продвижение турок за пределы, оговоренные Брест-Литовским договором, неизбежно приведет к усилению политико-экономической анархии на Кавказе, и тем самым сделает невозможным эксплуатацию богатейших природных ресурсов региона.

³¹ *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*, с. 330-338.

³² Arrangement provisoire pour le règlement temporaire des rapports entre l'Allemagne et la Géorgie. Poti, 28. 5. 1918. *Mémoire sur les rapports des Républiques Transcaucasienne et Géorgienne avec la Turquie et l'Allemagne à propos de l'effondrement du front russe*. A titre de manuscrit, p. 21. (Личный архив Г. Мамулиа).

³³ З. Авалов, *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, с. 66. См. также: W. Zürner, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspiischem Meer*, S. 77.

В частности, грузинского марганца и бакинской нефти, имеющих огромное значение для способности Германии продолжать боевые действия.

Как впоследствии вспоминал И. Помянковский, военный представитель Австро-Венгерской империи в Турции, Лоссов заявил ему, что в случае занятия Баку и всего Закавказья турками, «они будут абсолютно неспособны управлять страной и руководить производством нефти. Результатом турецкой экспансии будет лишь обогащение младотурок и нескольких пашей, в то время как в остальном, дело будет загублено. Этого Германия допустить не может. Нефтяные источники должны быть сохранены и, так же как и другие богатства страны, сделаны доступными для систематического использования в военных целях всеми союзниками»³⁴.

Тем не менее, турки решили идти напролом и поставить Берлин перед свершившимся фактом. Еще не дождавшись ответа на свой ультиматум, оттоманские войска перешли в наступление, приступив к занятию требуемых областей. Малочисленные и плохо организованные грузинские и армянские воинские формирования оказались не в силах удержать фронт.

4 июня Грузия вынуждена была заключить с Оттоманской империей «договор мира и дружбы», ставивший ее в полную зависимость от Стамбула. Наряду с тяжелейшими территориальными потерями (Батуми, Ахалцихе и Ахалкалаки), в силу дополнительного договора, подписанного в тот же день представителями турецкой и грузинской сторон, турки устанавливали почти полный контроль над железными дорогами Грузии. Словно насмехаясь над своими германскими союзниками, турки обрели право осуществлять беспрепятственную переброску войск и военных материалов по грузинской территории³⁵.

Ответный ход немцев и грузин не заставил себя долго ждать. Воинские части, спешно сформированные из находящихся на территории Грузии немецких военнопленных и колонистов, подняв германские и грузинские флаги заняли основные станции на грузинской железной дороге, тем самым воспрепятствовав продвижению турок в направлении Тифлиса³⁶.

В телеграмме от 8 июня в резком тоне, похожим на угрозу, генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф потребовал от Энвера-паши ува-

³⁴ J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches*, Zürich, Leipzig, Wien, 1928, S. 362.

³⁵ *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*, с. 343-349, 357-360.

³⁶ D. Vašnadze (Fürst), *Deutsche Blätter in der georgischen Geschichte. Erinnerungen des ehemaligen Bevollmächtigten der georgischen Regierung bei der Kaiserlich Deutschen Delegation im Kaukasus 1918. Mitteilungen des Bundes der Asienkämpfer*, Berlin, 15 September 1930, S. 98; W. E. D. Allen, P. Muratoff, *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*, p. 477.

жительного отношения к немецким охранным постам, размещенным на железной дороге Поти–Тифлис–Александрополь, отметив, что «они являются германскими войсками». Туркам следовало соблюдать условия Брест-Литовского договора и оставить незаконно занятые ими территории. Людендорф особо подчеркивал, что «договора, заключенные Турцией с государствами Закавказья в обход Германии, Австрии и Болгарии», с самого начала не могут быть признаны Берлином³⁷.

Природные ресурсы Кавказа как предмет вождений Москвы, Берлина и Стамбула

Понимая, что экспансионистский курс правительства младотурков приведет в дальнейшем к росту германо-турецких противоречий на Кавказе, Г. Баммат стремился использовать сложившуюся ситуацию в интересах горцев, пытаясь, таким образом, маневрировать между Стамбулом и Берлином. По свидетельству немецких источников, с помощью своей эрудиции, способности к убеждению и настойчивости Баммату удалось склонить к поддержке своих взглядов фон Лоссова, который еще в середине мая 1918 г. предупреждал генерала Людендорфа относительно опасности турецких экспансионистских планов для германских политических и экономических интересов на Кавказе. С целью воспрепятствовать дальнейшему продвижению турок вглубь территории Закавказья и способствовать государственной консолидации Грузии, которая в свою очередь должна была служить ядром для последующего укрепления других государств региона, генерал предложил послать на Кавказ германские войска. В их задачи наряду с выполнением охранных функций должно было входить предоставление учебного кадра для формирования местных кавказских армий. Под влиянием бесед с Бамматом, генерал выработал следующий план отправки германских войск на Кавказ. Высаженные с занятого германскими войсками Крыма в районе Новороссийска и Туапсе, а также продвигающиеся по железной дороге Тихорецкая-Баку германские соединения в количестве двух дивизий, должны были одновременно способствовать созданию северокавказского государства. В самой Грузии должна была быть дислоцирована одна германская дивизия, способствующая созданию боеспособной грузинской армии³⁸.

³⁷ С. Mühlmann, *Das deutsch-türkische Waffenbündnis in Weltkriege*, Leipzig, 1940, S. 201.

³⁸ W. Baumgart, Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Wiesbaden, 1970, Bd. 18, H. 1, S. 58-59; W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, S. 72; W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 39.

При этом по ряду политических причин фон Лоссов не считал возможным поддержать требования горцев о включении в состав их государства черкесского северо-западного Кавказа. В письме к Баммату от 15 мая фон Лоссов, в частности, сообщал о точке зрения германского правительства относительно северной границы Союза горцев. «Вопрос Дагестана и Терской области ясен – нет никакого сомнения в том, что эта территория принадлежит Северному Кавказу. Напротив, вопрос территории Кубани пока еще недостаточно освещен. С этнографической точки зрения казаки Кубани близки к населению Украины. Они проживают компактными массами в кубанской области, организованы и хорошо вооружены. Очевидно, что они ни эвакуируют их территорию, ни позволят третьей силе ее аннексировать без их согласия. Если мы захотим заставить их сделать это силой, в стране вспыхнет новая серьезная война. Правительство Германии не может пуститься в подобное предприятие, которое создаст ему новый театр тяжелой войны. Правительство Германии не может допустить, и оно не позволит, чтобы такая акция была предпринята без его согласия третьей силой. Наконец, аннексия территории Кубани с применением силы будет представлять собой нарушение Брест-Литовского договора. Нарушение, которое германское правительство не может допустить.

Исходя из этого, германское правительство придерживается мнения, что на нынешний момент вопрос кубанской области должен оставаться открытым, точно так, как это имело место в связи с вопросом северо-восточной границы Украины с Россией, во время переговоров в Брест-Литовске. Разумеется, германское правительство исследует со своим самым наибольшим благорасположением все решения вопроса Кубани, которые примирят интересы этой области с Северным Кавказом и Закавказьем»³⁹.

Следует отметить, что проект создания северокавказского государства, включающего в своей состав исторические черкесские земли, поддержал Чхенкели. Еще 6 мая, в первый день прибытия германской делегации в Батуми, Чхенкели в беседе с фон Лоссовым выступил с предложением о посылке на Северный Кавказ около двух-трех германских и стольких же турецких батальонов. Так как, по мнению председателя закавказской делегации, территориальные притязание горцев неизбежно приведут к столкновению с терскими казаками, лишь с помощью этой военной силы

³⁹ Général O. von Lossov (chef de la délégation allemande pour les négociations de paix avec le Caucase), A. H. Bammatoff, délégué de la République fédérative du Caucase du Nord et du Daghestan. Batoum, 20. 5. 1918. Archives familiales de M. Bammate.

было возможно добиться включения в северокавказское государство исторических горских земель⁴⁰.

Надеясь, что предлагаемый им проект получит одобрение в Берлине, фон Лоссов 17 мая 1918 г. сообщал Чхенкели и Баммату, что поскольку инструкции, полученные им из центра «предвидят возможность» объединения Союза горцев с Закавказьем, он «ничуть не сомневается», что германское правительство положительно отнесется к признанию независимости Северного Кавказа⁴¹.

Тем не менее, проект Лоссова, рассмотренный после его возвращения из Батуми в Берлин, был подвергнут значительной модификации. Одобрение получила лишь часть предложений генерала, главным образом касающихся посылки германских войск в Грузию. Причиной этого являлось глубокое расхождение взглядов, существующее в это время в Берлине между высшими военными и дипломатическими кругами страны, относительно политического курса в отношении вновь возникших государств Кавказа. В отличие от Лоссова и Людендорфа, исходивших в основном из военно-стратегических соображений, и отлично отдающих себе отчет в важности обеспечения экономических и политических интересов Германской империи на Кавказе, МИД Германии, руководимый в то время статс-секретарем Рихардом фон Кюльманом, придерживался в связи с этим вопросом более осторожного и строго юридического подхода. По мнению немецких дипломатов, вопрос признания независимости кавказских государств напрямую был связан как с политикой Германии в отношении большевистской России, с которой страны Четверного союза только что заключили Брест-Литовский договор, покончивший с боевыми действиями на Восточном фронте, так и с отношениями с Оттоманской империей, – основной союзницей Германии на Ближнем Востоке. Таким образом, признание Берлином независимости кавказских государств, как и в целом политика проводимая Германией на Кавказе, не должна была вызвать разрыв ни с Москвой, – чреватый возобновлением боевых действий с большевиками, ни с Стамбулом, – со своей стороны способный повлечь за собой выход Оттоманской империи из войны на Ближнем Востоке⁴².

40 W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, S. 60; W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 36-40.

41 Письмо председателя германской делегации на Батумской мирной конференции генерала О. фон Лоссова председателю делегации Закавказской республики А. Чхенкели относительно инструкций, полученных им от канцлера Германской империи. Батуми, 17. 5. 1918. Archives familiales de N. Badoual-Keresselidzé.

42 W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 181-182.

Наряду с этим, находящиеся в чрезвычайно сложной ситуации большевики были готовы согласиться на признание Германией независимости Грузии, но ни в коем случае Азербайджана и Северного Кавказа, обладающих нефтепромыслами Баку, Грозного и Майкопа, и имеющих стратегическое значение для советской России. В Москве понимали, что основная опасность для бакинской нефти исходит не от немцев, а от турок, стремящихся любой ценой овладеть Азербайджаном.

4 июня, в тот же день когда Стамбул заключил договор с Грузией, турки подписали соглашение и с Азербайджаном, в результате чего вся железнодорожная сеть страны переходила под контроль 3-й турецкой армии⁴³.

В конце июня по приказу Исмаила Энвер-паши, военного министра Османской империи, в окрестностях Гянджи, где в то время находилась резиденция азербайджанского правительства, на основе турецкой 5-й кавказской дивизии было начато формирование «Кавказской армии ислама», – смешанного соединения, состоящего из регулярных турецких солдат и местных азербайджанских добровольцев. Основной целью этого соединения, находящегося под командованием сводного брата Энвера, турецкого генерала Киллигиль Нури-паши, было взятие Баку, где с марта 1918 г. власть принадлежала местному совнаркому во главе с большевиком С. Шаумяном⁴⁴.

Осознав опасность, нависшую над городом, большевики предложили Берлину следующую сделку: немцы получают право на поставку из Баку нужного им количества нефти при условии, что они удержат турок от захвата города. Этим, собственно говоря, и было обусловлено согласие большевиков на признание Германией независимости Грузии, а также на нахождение немецких войск на грузинской территории. Небезынтересно отметить, что первоначально МИД Германии выступал против юридического признания независимости Грузии, считая, что для обеспечения германских интересов на Кавказе вполне достаточно заключения с Тифлисом сугубо экономического соглашения⁴⁵. Отрицательное отношение МИДа к растущей вовлеченности Германии в дела на Кавказе видно и из следующего обстоятельства. Вынужденные в конечном итоге уступить военным в деле признания Грузии и отправки в Тифлис германской императорской военной миссии под командованием генерала Кресса фон Крессенштейна,

⁴³ W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, S. 84-85.

⁴⁴ W. E. D. Allen, P. Muratoff, *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*, p. 479.

⁴⁵ W. Zürrer, *Kaukasien 1918-1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*, S. 82.

руководители немецкого внешнеполитического ведомства не сочли нужным даже встретиться с последним для дачи инструкций⁴⁶.

Разумеется, в подобном международном контексте возможность маневра правительства Союза горцев была весьма ограниченной, заставляя их делать ставку в основном на Стамбул.

Еще во второй половине апреля, во время своего пребывания в столице Османской империи, куда горская делегация отправилась после срыва трапезундских переговоров, Баммату удалось получить устное заверение Мехмеда Талаат-паши и Исмаила Энвер-паши, турецких великого визиря (премьер-министра) и военного министра, относительно предоставления Турцией военной помощи горцам. Турки обещали оказать северокавказцам, в то время уже вступившим в вооруженное противостояние с терскими казаками и русскими колонистами, недовольными стремлением горцев восстановить свою независимость, помощь инструкторами, оружием и боеприпасами.

С этой целью в рамках «Кавказской армии ислама» планировалось осуществить формирование отдельной дивизии, которая должна была быть послана по дороге Тифлис–Владикавказ на помощь борющемуся за свою независимость мусульманскому населению Северного Кавказа⁴⁷.

19 мая, когда положение в Ингушетии и Балкарии особенно осложнилось, Баммат был вынужден вновь поставить этот вопрос перед Рауф-беем, бывшим председателем османской делегации на Трапезундской конференции⁴⁸.

20 мая министр иностранных дел Союза горцев обратился с особым письмом к Чхенкели, прося у закавказского правительства разрешения на переброску турецкой военной помощи на Северный Кавказ по грузинской территории⁴⁹.

8 июня в оккупированном турками Батуми правительство Союза горцев заключило с Османской империей договор о мире и дружбе. В силу этого соглашения, которое слово в слово повторяло соответствующие параграфы текста дополнительного договора, за четыре дня до этого заклю-

⁴⁶ F. von Kressenstein, *Meine Mission im Kaukasus*, Tbilissi, 2001, S. 42.

⁴⁷ C. Mühlmann, *Das deutsch-türkische Waffenbündnis in Weltkriege*, S. 199-200.

⁴⁸ Письмо председателя горской делегации Г. Баммата председателю османской делегации Халил-бее с просьбой информировать его относительно реализации обещаний, данных представителями Османской империи представителям Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Батуми, 19. 5. 1918. Archives familiales de M. Bammate.

⁴⁹ H. Bammatoff (chef de la délégation République Nord-caucasienne pour les négociations avec les quatre Puissances Alliées), Au président de la délégation de la République Transcaucasienne, ministre Tchenkelli. Batoum, 20. 5. 1918. Archives familiales de M. Bammate.

ченный Грузией с Турцией, железнодорожная сеть на Северном Кавказе передавалась под полный контроль турецких войск⁵⁰.

Первоначально против плана использовать турецкие войска для освобождения от большевиков Северного Кавказа не возражал и фон Лоссов. Еще 25 мая, накануне турецкого ультиматума Закавказью, он писал Баммату, что не имеет ничего против свободного пропуска «через территорию Закавказской республики амуниции, оружия и кадров оттоманских инструкторов, предназначенных для горцев Северного Кавказа», о чем имел специальную беседу с Чхенкели⁵¹.

Это, впрочем, не помешало Лоссову в тот же день направить в германский Большой Генеральный штаб телеграмму, в которой сообщалось о том, что «взоры турков, направлены исключительно на Баку, Владикавказ, и обладание всем Кавказом»⁵².

Рост германо-турецких противоречий на Кавказе и встречные инициативы кавказцев

Положение изменилось после срыва батумских переговоров, когда немцам стало ясно, что турки используют заключенные с кавказцами договора в исключительно экспансионистских целях. К тому же ситуация, сложившаяся на самом Северном Кавказе, также мало способствовала осуществлению подобных планов. В феврале 1918 г. большевики захватили столицу Союза горцев – Владикавказ. В мае им были заняты города Петровск и Дербент в Дагестане. В то же время на Кубани, на Западном Северном Кавказе, оперировала ориентирующаяся на Антанту Добровольческая ар-

⁵⁰ Дополнительный договор к договору дружбы между императорским оттоманским правительством и правительством объединенных горцев Кавказа. Батуми, 8. 6. 1918. Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC). L'école des hautes études en sciences sociales (EHESS, Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Topchibachi, carton n° 3.

В связи с заключением турецко-горского договора В. Цюрер справедливо отмечает, что «без всякого сомнения, среди северокавказцев были люди, которые, исходя из собственной слабости, предпочитали царскому угнетению, большевистскому варварству, или турецкой реакции, поиск связи с современной Германией». Заключение договора с Турцией, очевидно, было вызвано тем обстоятельством, «что они не были убеждены в том, что Германия сможет отказать им реальную помощь». См.: W. Zürer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 39.

⁵¹ Письмо дипломатического агента Германской империи на Кавказе графа Ф. В. фон дер Шуленбурга министру иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 15. 6. 1918. Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 195.

⁵² C. Mühlmann, *Das deutsch-türkische Waffenbündnis in Weltkrieg*, S. 199.

мия генерала Михаила Алексева, одинаково враждебно настроенная как к государственным новообразованиям Кавказа, так и к странам Четверного союза. В такой ситуации сторонники вмешательства в дела на Северном Кавказе, имеющиеся среди германских военных, оказались в меньшинстве, и победу одержал курс МИД, считавшего разрыв с большевиками недопустимым.

Со своей стороны и фон Лоссов, возмущенный экспансионистскими планами младотурок, приказал задержать переброску на Северный Кавказ по военно-грузинской дороге 37-й турецкой дивизии⁵³.

В силу этих же обстоятельств письмо Баммата от 14 июня, адресованное дипломатическому агенту Германии на Кавказе графу Фридриху Вернеру фон дер Шуленбургу относительно пропуска по грузинской территории оружия и турецких инструкторов, которых, по словам Баммата, можно было бы перебросить на Северный Кавказ по дороге Мцхета-Владикавказ, не встретило понимания немцев⁵⁴.

В датированном 15 июня ответном письме Баммату фон Шуленбург, который в одном из отчетов этого времени отмечал, что северокавказцы «плавают в абсолютном турецком фарватере»⁵⁵, сообщал, что «вопрос, относительно транспортировки турецких войск по грузинской железной дороге, должен быть урегулирован правительствами Германии и Оттоманской империи»⁵⁶.

Тем не менее, северокавказцы не сдавались. Уже в первую же неделю после прибытия 14 июня в Тифлис генерала Кресса фон Крессенштейна представителям горского правительства удалось добиться у него аудиенции. На сей раз помимо Баммата в беседе участвовал Арсамаков (Хаджи Мурат Газават), безо всякого сомнения подключенный к переговорам в качестве человека известного своими прогерманскими симпатиями и сотрудничавшего с немцами с самого начала войны. Отметив, что русские большевики угрожают не только независимости, но и самому физическому существованию горцев, делегаты обратились к генералу с просьбой: либо

53 W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 40.

54 Письмо министра иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммата дипломатическому агенту Германской империи на Кавказе графу Ф. В. фон дер Шуленбургу относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 14. 6. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 47.

55 W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 40.

56 Письмо дипломатического агента Германской империи на Кавказе графа Ф. В. фон дер Шуленбурга министру иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Г. Баммату относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Тифлис, 15. 6. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 69. Л. 195.

самому прийти на помощь северокавказцам, либо дать возможность сделать это туркам. В противном случае горцы будут вынуждены обратиться за помощью к англичанам. Представители северокавказцев также заявили, что они при всех обстоятельствах будут против протектората, или какого-либо тесного политического союза Турции с Северным Кавказом. Кресс ответил, что любое военное вмешательство стран Четверного союза, чревато новой войной с Россией. Тем не менее, он попытается добиться согласия тифлисского правительства на тайную переброску оружия на Северный Кавказ грузинской стороной⁵⁷.

Баммат должен был временно удовлетвориться этим обещанием. Он, однако, понимал, что Северный Кавказ продолжает быть заложником германо-турецких противоречий и германо-советских взаимоотношений. В конце июня по приглашению турецкого правительства Баммат выехал в Стамбул, где должна была состояться конференция с участием представителей стран Четверного союза и кавказцев, на которой все взаимоотношения Турции с Кавказом должны были быть окончательно разрешены⁵⁸.

Хотя вследствие германо-турецких противоречий упомянутая конференция так и не состоялась⁵⁹, Баммат попытался повлиять на позицию Берлина посредством бесед с послом Германии в Турции графом Йоханом Генрихом фон Бернсторфом. По иронии судьбы именно Бернсторф являлся одним из наиболее убежденных сторонников недопущения разрыва с большевиками, и исходя из этого постулата – невмешательства в дела Северного Кавказа⁶⁰.

Как впоследствии писал Баммат 31 июля А. М. Чермоеву, председателю правительства Союза горцев, во время встречи, состоявшейся во второй половине июня, Бернсторф откровенно заявил, что «согласно инструкциям им полученным... его правительство ни под каким видом не может ни дать само, ни допустить кого-либо дать нам военную помощь, так как это было бы нарушением Брест-Литовского договора. Германия не может создавать на Северном Кавказе правительство, которого там фактически нет, что это было бы провокацией войны с Россией, которая для Германии неприемлема. Мое указание, что Грузия находится с точки зрения правовой в том же положении, было отпарировано указанием, что московское правительство признает независимость Грузии и ничего против пребывания германских войск в Закавказье не имеет, что же касается Северного Кавказа, Россия

⁵⁷ W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 41.

⁵⁸ J. Pomiankowski, *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches*, S. 366.

⁵⁹ *Ibidem*, S. 371-372.

⁶⁰ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 194.

непримирима и старание германской дипломатии склонить ее к признанию нашего отделения ни к чему не привели. Мои ссылки на формальные обещания Германии дать нам помощь и поддержку, выраженные в письмах генерала Лоссова, вызвали заявление, что это была политика этого генерала, но которая не нашла одобрения правительства»⁶¹.

По словам Баммата, немецкий посол указал ему и на причины, по которым предложения фон Лоссова не получили поддержки Берлина: «Бернсторф мне вчера между прочим сказал, что мы хотим создать правительство заново, что наша столица в руках наших врагов, что мы сами не проявляем самостоятельности и желаем сделать свое политическое дело немецкими руками, что существенная разница между нами и грузинами в том, что в Грузии худо ли хорошо, правительство существует и Германия, стоя на точке зрения Брест-Литовского договора, поддерживает уже образованное до их вмешательства и без них государство, у нас же им пришлось создавать бы нечто новое, чего они не могут, оставаясь формально лояльными в отношении России»⁶². Понимая, что лишь взятие Владикавказа может изменить политику немцев в отношении Северного Кавказа, Баммат требует от Чермоева: «Для нас овладение Владикавказом делается вопросом громадной политической важности, полагаю, что самое допущение нашего представительства на Константинопольской конференции, которая, кажется, все-таки состоится, находится в связи с этим вопросом. Если политическое положение не изменится, я думаю, что нам сделают отвод. Наша политика, как это ни тяжело при нынешних условиях, должна выразиться в некоторой самостоятельности. Надо немцам доказать, что наше население с нами. Надо взять проклятый Владикавказ и создать народное движение. В этом случае Германия изменит свою позицию в отношении нас»⁶³. В конце письма Баммат отмечал, что поскольку по упомянутым выше обстоятельствам на дороге Мхцета-Владикавказ рассчитывать не приходится, следует воспользоваться дорогой из Азербайджана в Дагестан. С помощью действующего в Турции Черкесского комитета ему удалось добиться согласия оттоманских властей на посылку на Северный Кавказ экспедиционных сил, сформированных из турецких солдат северокавказского происхождения, под командованием генерала Юсуфа Иззет-паши, из черкесов⁶⁴.

Следует отметить, что правительство Грузии на неофициальном уровне пыталось по мере возможностей оказать помощь горцам, в том числе

⁶¹ *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы*, с. 142.

⁶² *Там же*. С. 143.

⁶³ *Там же*.

⁶⁴ *Там же*. С. 144.

и оружием. Тем более, что из занятой большевиками Терской области осуществлялись попытки организации на грузинской территории антиправительственных мятежей. Так, в июле 1918 г. правительством Грузии был с успехом подавлен большевистский мятеж в Душетском районе.

В оказании помощи горцам были заинтересованы и германские военные. Предложение фон Крессенштейна о поставке оружия горцам через грузинских посредников получило одобрение генерала фон Людендорфа. Одной из причин, побудивших начальника германской военной миссии на Кавказе активизировать свою политику в отношении горцев, было то, что по данным немецкой разведки во Владикавказе действовала секретная британская военная миссия, поддерживающая контакты со своими агентами в Тифлисе. Целью англичан было подорвать германское влияние и дестабилизировать обстановку в Закавказье. По мнению фон Крессенштейна, противостоять этому можно было путем «поддержки горских народов оружием и патронами, в основном для винтовок русского образца, так же как и введением в действие мелких частей, на уровне батальона»⁶⁵.

Опасность разрыва с Москвой следовало нейтрализовать заявлением, что в данном случае речь идет о ликвидации британского влияния в таком стратегически важном регионе как Кавказ, осуществляемом в совместных германо-советских интересах.

Для того чтобы турки не чувствовали себя окончательно обойденными, генерал был согласен на участие в операции от шести до восьми турецких батальонов.

Полагая, что находящиеся в отчаянном положении большевики будут более не в состоянии отказывать горцам в признании их независимости, Крессенштейн писал в Берлин, что возникновение буферного горского государства, преграждающего путь русской экспансии в Закавказье, входит в политические и экономические интересы Германии⁶⁶.

11 августа 1918 г. между правительством Грузии и представителями Союза горцев, в лице руководителей Ингушского национального совета, было заключено тайное соглашение, не подлежащее оглашению в печати. В обмен на кукурузу (в которой крайне нуждалось население Грузии, от-

⁶⁵ W. Zürter, *Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens in Jahre 1918*, S. 46-47.

⁶⁶ *Ibidem*. Хотя в МИД Германии и сомневались в готовности большевиков признать независимость горцев, немцы предложил Баммату лично отправится в Москву для ведения переговоров, обещая, в таком случае, оказать ему дипломатическую помощь. Баммат, однако, проявил небольшой интерес к этому предложению, аргументируя свой отказ тем, что дни большевизма и так сочтены. В итоге, стороны условились о визите Баммата в Берлин. Он, однако, должен был состояться после визита в Берлин Мехмеда Талаат-паши, великого визиря Оттоманской империи, когда ситуация стала бы более ясной (*Ibidem*, S. 48).

резанное событиями на Северном Кавказе от кубанского хлеба), грузины поставляли ингушам некие грузы⁶⁷. Тот факт, что сам договор не уточнял, какие именно грузы должны были быть транспортируемы через грузинскую территорию, не оставляет сомнения, что в данном случае речь шла о тайной поставке оружия и боеприпасов. Тем более, что буквально через неделю после подписания этого соглашения ингуши, руководимые одним из лидеров Союза горцев Вассан-Гиреем Джабагиевым захватили Владикавказ, отбив его у терских казаков и поддерживающих их осетин. Факт грузинской помощи горцам подтверждает и генерал Антон Деникин, отмечая, что для взятия Владикавказа грузины передали ингушам около миллиона патронов⁶⁸. Несомненно, именно это соглашение имел в виду А. М. Чермоев, во второй половине августа сообщивший находящемуся в Стамбуле Баммату «о соглашении с грузинами по вопросу пропуска хлеба взамен провоза по грузинской дороге оружия и припасов»⁶⁹.

В результате этой победы ингушам удалось изгнать со своих исторических земель казаков, разрушив построенные в целях колонизации их территории казачьи станицы Терской линии. Дорога, связывающая Тифлис и Владикавказ, отныне была открыта.

Нефтяной фактор решает все

Вскоре Северный Кавказ вновь стал предметом международных переговоров. На сей раз причиной этого послужило резкое изменение ситуации, происшедшее в осажденном турецко-азербайджанскими войсками Баку. Опасаясь денонсации большевиками выгодного для немцев Брест-Литовского договора, Берлин согласился на заключение сделки с Москвой, в соответствии с которой Германия получала право на признание независимости Грузии. Взамен этого к РСФСР отходил как весь Северный Кавказ, так и Баку, откуда Германия должна была получить свою долю нефти. Выработанные в июне-июле эти условия были, наконец, юридически закреплены особым дополнительным соглашением к Брест-Литовскому договору, ратифицированным германской и советской стороной 27 августа 1918 г. В соглашении оговаривалось, что Германия обязуется удержать турецкую

⁶⁷ Договор между правительством Грузинской республики и правительством Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана о пропуске транзитных грузов через грузинскую территорию и закупке на Северном Кавказе кукурузы. [Тифлис], 11. 8. 1918. Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre) (далее – BDIC). Microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 26.

⁶⁸ А. И. Деникин, *Очерки русской смуты*, Берлин, 1924, т. III, с. 241-242.

⁶⁹ *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.)*, Горская республика (1918-1920 гг.). *Документы и материалы*, с. 157.

сторону от каких-либо попыток захвата столицы Азербайджана, а турецкие войска не должны были пересекать установленной линии, западнее и южнее Баку⁷⁰.

Касаясь этой ситуации З. Авалишвили, сам в то время находившийся в Берлине, и как видно неплохо посвященный в кулуарные аспекты германо-большевистских переговоров, с иронией писал, что в задачу Германии входило «как бы придержать турок за шиворот – задача нелегкая, когда речь идет о захвате Баку»⁷¹

Ситуация изменилась в середине августа, когда по приглашению бакинского правительства Диктатуры Центрокаспия, сменившего еще в конце июля власть большевистского совнаркома, для защиты Баку от обложивших его турецко-азербайджанских войск в город были введены немногочисленные британские экспедиционные войска под командованием генерала Лионеля Денстервиля⁷².

Об этом событии, как, впрочем, и о смене власти в самом Баку, в Берлине узнали лишь 6 сентября, уже после заключения упомянутого германо-большевистского дополнительного соглашения от 27 августа.

На состоявшихся сразу же после этого германо-советских консультациях стороны пришли к консенсусу, в соответствии с которым большевики соглашались на занятие Баку немцами лишь в том случае, если бы последние удержали турок от оккупации города, изгнав оттуда англичан, в основном, собственными силами. После этого Баку должен был быть вновь возвращен советам с соблюдением в дальнейшем условий соглашения от 27 августа⁷³.

Пока шли эти консультации, находящиеся под Баку турецкие силы предприняли новое наступление, завершившееся 15 сентября взятием Баку и изгнанием оттуда британских войск⁷⁴.

Реакция большевиков не заставила себя ждать. 20 сентября Москва объявила о денонсации условий Брест-Литовского договора в отношении Турции⁷⁵. Поставленный перед новым фактом Берлин был вынужден начать новые переговоры, на сей раз со Стамбулом. Напряженность между двумя сторонами достигла такой степени, что раздраженные новыми са-

⁷⁰ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 201-202.

⁷¹ З. Авалов, *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, с. 113.

⁷² F. Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*, p. 140-141.

⁷³ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 203-204.

⁷⁴ F. Kazemzadeh, *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*, p. 143.

⁷⁵ W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges*, S. 205.

мовольными действиями турок немцы не исключали возможности проведения против них военной операции. С этой целью генерал Кресс фон Крессенштейн получил приказ разработать план изгнания турок из Баку с временным занятием его германскими войсками. Параллельно с разработкой деталей операции германский Генштаб приступил к усиленной переброске в Грузию германских соединений, составивших к концу сентября 19 000 человек⁷⁶.

Наряду с этим велись переговоры и с турками, для чего в сентябре в Берлин прибыл великий визирь М. Талаат-паша.

В подобном контексте эскалации германо-турецкого соперничества, Северный Кавказ с неизбежностью вновь вовлекался в военно-политические планы как Берлина, так и Стамбула. В данном случае речь шла о проекте германских военных, который, судя по всему, не был согласован с немецкими дипломатами и который в значительной степени реанимировал план фон Лоссова.

Пшемахо Коцеву, вице-председателю Союза горцев, специально командированному на занятую германскими войсками Украину, было сделано предложение о восстановлении существовавшего в 1917 г. Юго-Восточного Союза⁷⁷. В частности, объединить Союз горцев с казачьими войсками Дона, Кубани, Терека, а также Астрахани и Калмыкии. По расчетам немцев, в случае осуществления такого проекта черкесская территория Западного Северного Кавказа, колонизированная кубанскими казаками, безболезненно объединялась с горцами в единое государственное образование. Наличие же в упомянутом союзе Дона, имеющего общую границу с Украиной, давало дислоцированным там германским войскам возможность быть беспрепятственно переброшенными на Северный Кавказ. В случае объединения с казаками фон Крессенштейн получал право обещать горцам военную помощь в количестве 20 000 винтовок, 192 пулеметов и 32 артиллерийских орудий. Передача вооружения должна была осуществляться через Коцева, черкеса по происхождению, приобретшего к этому времени в глазах немцев

⁷⁶ W. Baumgart, *Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?*, S. 99-106.

⁷⁷ Небезынтересно отметить, что проект воссоздания Юго-Восточного Союза рассматривался германскими военными, а также кайзером Вильгельмом II еще в июне 1918 г., после возвращения генерала фон Лоссова с Батумской конференции. Во время обсуждения этого вопроса, генерал Людендорф заявил, что создание прогерманского кавказского блока, в форме Юго-Восточного Союза, куда в то время планировалось включить и Южный Кавказ, было бы желательным противовесом русско-славянскому элементу. В то время этот план так и не был осуществлен, главным образом благодаря сопротивлению германских дипломатов. См.: W. Zürcher, *Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens in Jahre 1918*, S. 40.

репутацию германофила. Немцы полагали, что в отличие от Чермоева, Баммата и Джабагиева, Коцев пользовался реальной поддержкой своих соплеменников-черкесов⁷⁸.

По данным немецких источников, Коцев во время своего визита заявлял об имеющихся у него полномочиях подписать договор о вступлении горцев в Юго-Восточный Союз. Тем не менее, судя по отчету, составленному Коцевым после его возвращения в Тифлис, он, в реальности, не имел ни полномочий, ни желания включать горцев в упомянутое государственное образование⁷⁹.

Коцев, так же как и Чермоев, Баммат и Джабагиев, отлично понимал, что в случае согласия на такое объединение доминировать в нем будут казаки, а не горцы. Кроме того, руководителям горцев пришлось бы окончательно отказаться от планов возвращения на Кубань хотя бы части потомков мухаджиров, что, помимо прочего, лишило бы их поддержки влиятельной черкесской диаспоры в Османской империи. Наконец, после кровавых августовских боев во Владикавказе, в результате которых ингушам удалось изгнать терских казаков со своих исторических земель, достижение согласия с казаками казалось невыполнимым. Не случайно, как отмечал сам Коцев, в результате событий во Владикавказе «отношения с казаками окончательно, разумеется, испорчены»⁸⁰. Тем не менее, Коцев не расставался с надеждой, что он сможет получить германскую военную помощь и без подписи о вступлении горцев в Юго-Восточный Союз⁸¹.

⁷⁸ W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 50-51.

⁷⁹ Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событиях на Северном Кавказе. Тифлис, 12. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 81-87.

⁸⁰ Там же, л. 84.

⁸¹ Следует отметить, что МИД Германии был также против плана военных по восстановлению Юго-Восточного Союза. В переписке военных с дипломатами, объектом критики последних стал майор фон Кокенхаузен, – представитель германского командования при донском правительстве генерала Петра Краснова. Кокенхаузен обвинялся в том, что, ведя переговоры с Коцевым, слишком откровенно сообщил последнему о германском плане раздела территории бывшей Российской империи на собственно Россию, Украину, Сибирь и Юго-Восточный Союз. Верховное командование опровергло эту критику, заявив, что Кокенхаузен коснулся лишь возможного развития событий. См.: W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 49. Упомянутый план, однако, никак нельзя считать личным мнением Кокенхаузена, так как еще 10 июня 1918 г. эту мысль высказал никто иной, как германский кайзер Вильгельм II, в беседе с атаманом астраханских казаков князем Тундутовым. По словам самого Тундутова, записанным З. Авалишвили, «император-де находит, что Россию надо разделить на 4 части: Великороссию, Украину, Сибирь и Юго-Восточный Союз с Кавказом». См.: Авалов З. *Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг.*, с. 78.

Следует упомянуть, что в Берлине были против вынашиваемого горцами плана изгнания с Кавказа пришлого русско-казацкого населения. Стремясь воспользоваться в своих целях обладавшими хорошей военной выучкой казаками, немцы, наряду с этим, считали важным поддерживать мир на Северном Кавказе, необходимый для снабжения хлебом отчаянно нуждавшегося в нем населения Закавказья⁸².

Исходя из этого, позиция руководства горцев в данном вопросе сближалась с точкой зрения турецкого правительства, которое отнюдь не было против возвращения потомков мухаджиров на свою историческую родину, надеясь, тем самым, усилить свое влияние в регионе.

Турки, судя по всему, так же понимали, что попытка немцев реанимировать Юго-Восточный Союз направлена против них. В этот период «в турецких политических кругах стремительно росли антигерманские настроения. Ходили слухи, что немцы вели переговоры с донским атаманом Красновым (принятым Кайзером в Спа), с целью заручиться поддержкой казаков как против турок, так и против англичан в Баку»⁸³.

Масло в огонь германо-турецких противоречий подлила и неуступчивость турок в деле разграничения сфер влияния и использования войск на Северном Кавказе. Генерал фон Крессенштейн требовал оставить Владикавказ, как, впрочем, и весь Западный Северный Кавказ, в зоне германского влияния, ссылаясь на то, что город является естественным продолжением военно-грузинской дороги. Наряду с занятием Владикавказа германскими войсками, вопрос эксплуатации грозненских нефтепромыслов должен был также стать предметом отдельного германо-турецкого соглашения. Абдул Керим-паша, турецкий посол в Тифлисе, напротив, считал, что Владикавказ, а также Ингушетия, Чечня и Дагестан должны войти в сферу исключительного турецкого влияния⁸⁴.

Еще в начале августа, т.е. до взятия турками Баку, по инициативе фон Крессенштейна для осуществления сбора сведений относительно сложившейся на Северном Кавказе ситуации, в находящийся под контролем горского правительства Владикавказ были посланы представители германской и австро-венгерской миссий в Тифлисе. По свидетельству представителя германской миссии, лейтенанта Герберта Фольк, целью этой разведывательной операции являлось достижение того, чтобы «Баку, нефтяной центр Кавказа, стал немецким. С помощью турок или без них. Примене-

⁸² W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens in Jahre 1918*, S. 43.

⁸³ W. E. D. Allen, P. Muratoff, *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*, p. 480.

⁸⁴ W. Zürrer, *Deutschland und die Entwicklung Nordkasiens in Jahre 1918*, S. 47-50.

ние оружия против турок было невозможно. Тем не менее, существует другой путь. Мы должны после изгнания слабых большевистских сил во Владикавказе, продвинутся к Баку с севера, через оказавшийся в немецких руках Северный Кавказ и Дагестан. С юга Баку также подвергнется атаке со стороны вспомогательной военной экспедиции Мирзы Кучук-хана»⁸⁵.

Упомянутый Кучук-хан, вождь повстанческого движения дженгалийцев в Северном Иране, находясь под большевистским влиянием, командовал вооруженными формированиями в количестве 5 000 человек. По свидетельству Денстервиля, задействованные в прямых военных операциях против англичан отряды Кучук-хана находились под командованием германского офицера фон Пасшена и насчитывали в своем составе австрийских инструкторов⁸⁶. Одним из основных задач Кучук-хана было помешать руководимому Денстервилем экспедиционному отряду «Денстерфорс» достичь г. Энзели, на иранском берегу Каспийского моря, для его дальнейшей переброски в Баку. С этой целью, в первой половине июня и второй половине июля 1918 г., формирования Кучук-хана вступили в сражения с англичанами под Менджилом и Рештом, в Северной Персии⁸⁷.

Таким образом, главной целью планируемой немцами операции был захват Баку, без грозящей разрушить германо-турецкий военный альянс вооруженной конфронтации с осадившей город «Кавказской армией ислама».

Турецкое командование, каким-то образом узнав о намерении немцев, решило сделать все для того, чтобы сорвать это предприятие. При этом действия турецкой стороны изрядно скомпрометировали в глазах немцев находящееся в Тифлисе руководство Союза горцев в лице председателя его правительства А. М. Чермоева. Об этом инциденте сообщил вице-председатель правительства Союза горцев Коцев в своем письме на имя Баммата: «Отношения с германцами стали было налаживаться, [но] случилось одно маленькое событие, которое чуть все не погубило. При мне приехал сюда от Нури-паши некий полковник Генштаба Зекки-бей для поездки на Северный Кавказ для информации. Перед его отъездом из Тифлиса Тапа (Чермоев – Г. М.) ему предложил взять с собой представителей германск[ой] и австрийской миссии. На это Зекки-бей ответил, что ген[ерал] Кресс не находит нужным послать своих людей. Это было при мне. Мы поверили, и Зекки-бей уехал. Поэтому, мы были удивлены и взволнованы приходом к нам представителя герм[анцев] и австр[ийцев] с просьбой помочь им проехать “туда, куда проехал Зекки-бей, и затем, за-

⁸⁵ H. Volck, *Öl und Mohammed. "Der Offizier Hindenburgs" im Kaukasus*, Breslau, 1938, S. 191-192.

⁸⁶ L.G. Dunsterville, *The Adventures of Dunsterforce*, Uckfield, East Sussex, 2007, p. 28-30, 173-174.

⁸⁷ *Ibidem*, p. 155-163, 201-204.

чем и Зекки-бей”. Причем, они сообщили, что последний и не думал сообщать ген[ералу] Крессу и им ни о своей поездке, ни о цели ее. Тапой были приняты меры, чтобы герм[анские] и австр[ийские] офицеры догнали Зекки-бея, но впоследствии опоздания с выездом их они его не догнали. Зекки-бей же был и во Владикавказе и в Назрани, в Национальном совете ингушей, где разговаривал с членами Нац[ионального] совета во главе с В.-Г. Джабагиевым. Причем, он там заявил, что помощи Турция дать не может, но что горцы не должны пускать к себе немцев и проч., и повел агитацию среди мулл, как против нашего правительства, так и против немцев. Причем способствовал тому, что, когда через два дня герман[ские] и австр[ийские] офицеры доехали до стан[ции] “Казбек”, то там по их адресу была учинена или инсценирована недружелюбная демонстрация. Они возвратились и доложили по начальству. Все это было приписано чуть ли не попустительству со стороны Тапы, и мы получили от германской миссии два письма: 1) О том, что с нами миссия прерывает всякие отношения, впредь до удовлетворения по поводу инцидента. 2) О том, что обещанная помощь по документам из Киева ни в каком случае исполнена быть не может, впредь до дачи удовлетворения»⁸⁸.

Хотя, как становится ясным из упомянутого документа, правительство Союза горцев не имело к описанным действиям турок никакого отношения, последним все же удалось внушить немцам недоверие в отношении Чермоева и его кабинета. Коцеву еще не раз пришлось извиняться за имевший место инцидент, доказывая немцам полную непричастность к нему своего правительства⁸⁹. Тем не менее, туркам, похоже, удалось достигнуть своей цели, вбив серьезный клин между немцами и правительством Союза горцев. Во всяком случае, главный участник упомянутого инцидента лейтенант Фольк говорит о «находящемся в Тифлисе так называемом правительстве Северного Кавказа» в следующих весьма нелестных выражениях: «Мы знаем, что это правительство является сугубо турецким предприятием. Оно создано не племенами Северного Кавказа. В противном случае

⁸⁸ Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событиях на Северном Кавказе. Тифлис, 12. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 82-83.

⁸⁹ Письмо вице-председателя Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева начальнику императорской германской миссии на Кавказе генералу Крессу фон Крессенштейну по поводу инцидента в городе Владикавказе между представителями горцев и миссий Германской и Австро-Венгерской империй. Тифлис, 11. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 42.

оно бы располагалось на севере и очистило бы Северный Кавказ от большевиков. Это теневое правительство турок пытается получить немецкие военные материалы и денежную помощь для того, чтобы способствовать турецкой экспансии на Северном Кавказе. Все остальное – театр»⁹⁰. Фольк при этом забывает упомянуть, что сама политика Германии вынуждала горцев искать помощи Турции как единственной державы, более или менее заинтересованной в Северном Кавказе. Чуть дальше Фольк заявляет, что «это “северокавказское правительство”, находящееся под председательством грозненского владельца нефти Чермоева, было подкуплено турками суммой в 10 миллионов марок и настроено против Германии»⁹¹.

Степень правильности этих утверждений хорошо проверяется упомянутым уже отчетом Коцева, где последний, наряду с прочим, подчеркивает, что «Турция вот уже 5 месяцев никакой помощи не шлет, быть может, не по своей вине»⁹². По словам Коцева, для того, чтобы получить хоть какую-то сумму в виде государственного займа, Чермоев и Джабагиев были вынуждены обратиться к азербайджанскому правительству⁹³.

Косвенно, беспочвенность собственных обвинений признает и сам Фольк. По его словам, представители правительства Чермоева уверяли генерала фон Крессенштейна, что «Германия не проявила активности во время переговоров в Батуми в апреле-мае 1918 г. Таким образом, нам было просто неизвестно, представлял ли Северный Кавказ для нее какую-либо ценность... Это было в мае 1918 г., – продолжает свои размышления Фольк. – Мы тянули со временем, турки же – нет»⁹⁴.

По свидетельству датированных сентябрем 1918 г. документов, несмотря на желание получить турецкую помощь, правительство Союза горцев никоим образом не желало оказаться под турецким господством⁹⁵.

⁹⁰ Н. Volck, *Öl und Mohammed. “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus*, S. 194-195.

⁹¹ *Ibidem*, S. 195.

⁹² Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева дипломатической делегации Союза горских народов Кавказа относительно своей поездки на Украину, Дон и Кубань, политики Германии и Турции в отношении Союза горцев, а также событиях на Северном Кавказе. Тифлис, 12. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 86.

⁹³ *Там же*. Л. 85.

⁹⁴ Н. Volck, *Öl und Mohammed. “Der Offizier Hindenburgs” im Kaukasus*, S. 210.

⁹⁵ Обращение правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана к горным чеченцам Аргунского округа. Тифлис, 12. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 26; Официальное сообщение правительства Республики горских народов Кавказа о необоснованности слухов относительно желания правительства Оттоманской империи присоединить к ней территории горских народов Кавказа, опубликованное в № 25 газеты «Грузия» от 2 октября 1918 года. Тифлис, 30. 9. 1918. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 14-14 об.

Подтверждает это и Баммат. Касаясь специфического характера турецко-северокавказских взаимоотношений в 1918 г., он впоследствии отмечал, что, несмотря на определенную помощь, оказываемую турецким правительством Союзу горцев Северного Кавказа, «дружеские отношения с Турцией изначально были обречены на неудачу, так как цели, преследуемые турецкой и кавказской стороной, были различными. Правительство Северного Кавказа стремилось получить гарантии и точку опоры своей независимости, маневрируя между Турцией и Германией. Охотно опираясь на Турцию, неизменного врага России, так же как и на влияние оттоманских черкесов в турецком правительстве и армии, оно, тем не менее, опасалось захватнических appetitов константинопольского правительства. Потеряв надежду вернуть Аравию, Месопотамию, Палестину и Сирию, Турция могла захотеть восстановить себя, получив компенсацию в других местах. Эти задние мысли довели над отношениями турецкого правительства с народами Кавказа. ... Appetиты Турции на Кавказе возросли после взятия Баку, эвакуированного англичанами (конец сентября) после его первой оккупации»⁹⁶.

Германо-турецкое соглашение 23 сентября и временная стабилизация ситуации на Кавказе

Скоро, однако, напряжение в германо-турецких отношениях пошло на спад, что, со своей стороны, сделало возможным проведение более согласованной политики этих держав в отношении Северного Кавказа. 23 сентября в Берлине Талаат-паша подписал с представителями германской стороны тайный протокол, регулирующий германо-турецкие взаимоотношения на Кавказе. Турецкое правительство обязывалось безоговорочно вывести свои войска из Азербайджана и Армении. В качестве компенсации Стамбул получал право способствовать созданию государства на Северном Кавказе. Турки получали также часть нефти из очищенного ими Баку. В течение войны Германия наделялась правом на управление нефтяной промышленностью Баку, а также на контроль железной дорогой Тифлис-Баку и нефтепровода Баку-Багуми⁹⁷.

В рамках данного соглашения стала возможной переброска по грузино-азербайджанской железной дороге предназначенных для освобождения Дагестана и Чечни турецких воинских частей, сформированных из солдат северокавказского происхождения. Еще в первой половине сентября Чермоев обратился с просьбой к правительству Грузии дать согласие на про-

⁹⁶ Le Caucase et particulièrement le Caucase du Nord depuis la fin de l'ancien régime en Russie. Paris, mai 1919. AMAE. CPC 1918-1940. Série E (Levant). Caucase-Kurdistan, dossier n°4, Fol. 188-225.

⁹⁷ W. Baumgart, *Das «Kaspi-Unternehmen» – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?*, S. 98-99.

ход по грузинской железной дороге турецких эшелонов, направляющихся в Дагестан, с разрешением перебросить часть войск и оружия на Северный Кавказ по военно-грузинской дороге⁹⁸.

По свидетельству Коцева, оружие для экспедиции на Северный Кавказ было предоставлено немцами, перебросившими его с Украины в Потю в рамках соглашения, предварительно заключенного им во время посещения Украины в июле-августе. По его словам, выгруженное в Закавказье оружие «было достаточно для вооружения одной бригады»⁹⁹.

В состав предназначенных к посылке в Дагестан войск, находившихся под командованием турецкого генерала черкесского происхождения Юсуфа Иззет-паши, входило 1 500 турецких регулярных солдат, большое количество дагестанцев из бывшей Дикой кавалерийской дивизии, и около 2 000 полуобученных азербайджанских пехотинцев, со значительным количеством артиллерии¹⁰⁰. По данным же Коцева, в составе вступивших в Дагестан турецко-горских войск находилось 77 офицеров, а также 500 унтер-офицеров и солдат Оттоманской армии¹⁰¹.

В результате быстрой переброски турецко-горских воинских формирований в Дагестан, организованной из Тифлиса Коцевым и Джабагиевым, 9 октября был занят Дербент, а 23 октября – Темир-Хан-Шура. «После взятия последней правительство Республики горских народов Кавказа переехало в свою вторую столицу Темир-Хан-Шуру, где торжественно поднят национальный флаг Союза горцев», – сообщил спустя несколько дней после этих событий грузинскому правительству Коцев¹⁰².

7 ноября турецко-горские отряды с боями взяли Петровск, выбив оттуда отряд казаков и армян под командованием полковника Лазаря Бичерахова, – ставленника англичан, после чего вся территория Дагестана и Чечни оказалась под контролем горского правительства¹⁰³.

⁹⁸ Обращение председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана А. М. Чермоева к правительству Грузинской республики относительно транспортировки по грузинской железной дороге следующих на Северный Кавказ турецких войск. Сентябрь 1918 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 31.

⁹⁹ P. Kosok, *Revolution and Sovietization in the Northern Caucasus*, Caucasian Review, Munich, 1956, N° 3, p. 51.

¹⁰⁰ W. Zürner, *Deutschland und die Entwicklung Nordkaukasiens in Jahre 1918*, S. 51.

¹⁰¹ P. Kosok, *Revolution and Sovietization in the Northern Caucasus*, p. 51.

¹⁰² Письмо вице-председателя правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева министру иностранных дел Грузинской Республики А. Ченкели относительно восстановления власти горского правительства на территории Дагестана. Тифлис, 16.11.1918. ВДИС. Microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 79.

¹⁰³ V.-G. Jabagi (Cabagi), *Revolution and Civil War in the North Caucasus – End of the 19th – Beginning of the 20th Century*, Central Asian Survey, 1991, Vol. 10, n° 1-2, p. 124-125.

Таким образом, к 11 ноября – дню окончания Первой мировой войны – горское правительство в целом контролировало Восточный Северный Кавказ, включавший в себя Дагестан, Чечню и Ингушетию.

Хорошо осознавая важность развития солидарных взаимоотношений народов Кавказа, правительство Союза горцев пыталось по мере возможностей способствовать возрождению идей общекавказского сближения и сотрудничества. В частности, предложило свое посредничество в деле урегулирования армяно-грузинского вооруженного конфликта, разразившегося во второй половине декабря 1918 г.¹⁰⁴

Вспоминая десять лет спустя драматические события 1918 г. на Кавказе, Гайдар Баммат отмечал, что попытки местных народов к объединению разбились о целый ряд внешне- и внутривосточных факторов: «К сожалению, отношения между народами Закавказья были крайне напряженными. Стремясь получить господствующее положение в Закавказье, немцы и турки плохо ладили друг с другом. Первые опирались на грузин, а вторые на азербайджанцев, что во многом способствовало созданию атмосферы националистических страстей и взаимного недоверия, отнюдь не облегчающего работу по сближению и достижению согласия между этими народами»¹⁰⁵.

Раскол в мае 1918 г. Закавказской республики на отдельные национальные государства имел самые трагические последствия для дальнейших судеб народов как Северного, так и Южного Кавказа. Тем самым была разрушена основная база, обладавшая потенциалом стать ядром последующей региональной интеграции. Интеграции, столь необходимой как для сохранения государственной независимости народов Кавказа, так и их успешной борьбы и с белой, и с большевистской угрозой, дамокловым мечом нависшими над регионом после окончания Первой мировой войны.

Др. Георгий Мамулиа – политолог, историк, доктор Высшей школы исследований общественных наук (Париж, Франция), специалист по истории кавказской эмиграции межвоенного периода.

¹⁰⁴ Письмо председателя Совета министров и. и. д. министра иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана П. Коцева министру иностранных дел Грузинской республики А. Чхенкели относительно предложения своего посредничества в деле урегулирования армяно-грузинского конфликта. Темир-Хан-Шура, 26. 12. 1918. BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 25.

¹⁰⁵ Н. Ваммате, *Le Caucase et la révolution russe*, Paris, 1929, p. 40.

Kaukaz i państwa centralne w 1918 roku

Giorgi Mamulia

Rok 1918 odegrał bardzo istotną rolę w historii narodów Kaukazu. Wyrwawszy się z pozycji prowincji Imperium Rosyjskiego, Kaukaz w tymże 1918 r. został wciągnięty w burzliwe meandry międzynarodowej polityki, co stworzyło szansę tamtejszym narodom na budowę niepodległych państw. Niestety ze względu na rywalizację Niemiec, Turcji i bolszewików na Kaukazie, tamtejszym narodom nie udało się stworzyć zjednoczonej federacji, która stanowiłaby jedyną realną możliwość zachowania i wzmocnienia ich niezależności w ostatnim roku trwania I wojny światowej i pierwszego roku wojny domowej w Rosji.

Mimo istnienia bogatej literatury historycznej, poświęconej przede wszystkim powstałym w 1918 r. niepodległym państwom Kaukazu, historiografia dotycząca tego zagadnienia zawiera jeden istotny brak. Studia nad problemem powstania kaukaskich państw prowadzone są w wąskim, narodowym kontekście. Ignorują całkiem fakt, że Kaukaz, przez aktywne, w tym czasie i na tym obszarze, mocarstwa postrzegany był raczej jako jednolity, a nie zróżnicowany narodowościowo region.

The Caucasus and the Central Powers in 1918

Giorgi Mamulia

1918 was a most significant year in the history of the Caucasian nations. Having torn away from provincial ignominy as part of the Russian empire, the Caucasus was suddenly pulled into the stormy arena of international politics, creating an opportunity for those nations to gain independence. Unfortunately, the activity of the competing powers of Germany, Turkey and Bolshevik Russia in the region, prevented the Caucasian nations from creating a united federation, which constituted their only real chance to retain and strengthen their independence in the final year of the First World War and the first of the Russian Civil War.

Despite the existence of a rich vein of historical literature, mainly dedicated to the independent Caucasian states created in 1918, historiography contains a significant gap on the subject. Studies on the topic are conducted along narrow, national lines. They totally ignore the fact that the region of the Caucasus was mostly perceived by the existing great powers – then active in the area – as a nationally uniform, rather than diverse, region.

Bearing this in mind, the events taking place in one or another of

Wychodząc z takiego założenia, wydarzeń mających miejsce w tym lub innym kaukaskim państwie lub tworze administracyjnym tego okresu, nie da się zrozumieć w oderwaniu od sytuacji w innych częściach regionu. Wspomniana tendencja jest szczególnie widoczna w badaniach wydanych w państwach Kaukazu w ciągu ostatnich dwudziestu lat. Sytuacja wygląda dużo lepiej po zapoznaniu się z pracami na ten temat w zachodniej historiografii, gdzie już w latach 50. i 70. XX w. wydano kapitalne badania obejmujące, jeśli nie cały Kaukaz, to przynajmniej jego część południową, czy też Zakaukazie.

Autor artykułu stawia sobie następujący cel: prześledzić genezę rozwoju projektów integracyjnych w koncepcjach ówczesnych lokalnych elit politycznych, zarówno na Kaukazie Północnym jak i Południowym. Analizuje rolę regionalnych mocarstw w procesie powstawania na Kaukazie niepodległych państw. Dokumenty archiwalne użyte po raz pierwszy w tym właśnie artykule, rzucają nowe światło na starania lokalnych elit politycznych w celu wykorzystania koniunktury międzynarodowej na rzecz wspierania i rozwijania, w miarę możliwości, współpracy regionalnej między narodami Kaukazu.

the Caucasian states, or in the administrative creation of the time, are not comprehensible when taken out of context of the situation in other parts of the region. The aforementioned tendency is especially visible in studies commissioned by Caucasian states in the last twenty years. The situation looks much better after becoming familiar with Western historiographical works on the subject, where, already in the 1950s and 1970s, excellent studies were published encompassing, if not the whole region, then at the very least, its southern part, or the Trans-Caucasus.

The author places before himself the following goal: to investigate the origin of the development of integrated projects in the conception of the contemporary local political elites, both in the Northern and Southern Caucasus. He also analyzes the role of regional powers during the process of forming independent states in the Caucasus. Archival documents – utilized for the first time ever – throw new light on the efforts of local political elites attempting to take advantage of the international situation, in order to support and develop regional cooperation between the Caucasian nations, as much as possible.

